

Анатолий Агарков

ЛУКОМОРЬЕ

Самое неизлечимое горе — горе
воображаемое.

(Мария фон Эбнер-Эшенбах)

Анатолий Агарков
Лукоморье. Самое неизлечимое
горе – горе воображаемое.
(Мария фон Эбнер-Эшенбах)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31727887
ISBN 9785449071422

Аннотация

Автор углубляется в былинные века – мол, три богатыря на пиру у князя выпили лишка и пошалили малость... Похмелье на сурожском берегу. Там дуб высокий, кот ученый, заныкавший золотую цепь...

Лукоморье
Самое неизлечимое
горе – горе воображаемое.
(Мария фон
Эбнер-Эшенбах)

Анатолий Агарков

Самое неизлечимое горе – горе воображаемое
(Мария фон Эбнер-Эшенбах)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-7142-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Давно это было. В те стародавние времена, когда по окраинам государства Киевского голодными волками рыскали кочевые народы. Для защиты селян и собственного покоя посылал князь в порубежье ратников, заставы ставил. В бесчисленных стычках с вороватыми соседями, которых и соседями-то назвать стыдно, рождалась слава былинных героев

и на крыльях молвы далеко разносилась по русским весям. На посадах слагали песни о них. Сам князь киевский Владимир Красно Солнышко пригласил с заставы к столу на именины лучших из лучших – Алёшу Поповича, Добрыню Никитича и Илью Ивановича по прозвищу Муромец.

Византийский басилев посла с подарком прислал. Посол таксебешный – перстней больше, чем пальцев, да борода крашена. А вот подарком угодил. Отменный дар – баба голая, как живая, только из мрамора. Материал сей на Руси не сыскать, да и в Царьграде, должно быть, редкий – настолько, что на руки красотке его не хватило. Не опечалился ущербу князь – с бабы мраморной глаз не сводит, а на жёнку глянет свою да омрачится. Посла византийского чисто задарил – и на пиру ему красно место, и медовуху в его кубок лично подливает, и девки княжьи для него пляшут, и скомоорохи вертятся, и былинщики были поют....

А за боярским столом шепоток растёт. Ну, на то они и советники княжьи, чтоб серчать да завидовать. Подзывают княжью челядь и приказывают: «На стол дружинный медов не жалеть, а в пище ограничить». И покатилося веселье за последним столом.

Раздухарился Илья Иванович по прозванию Муромец:
– Всех перепыю, всех поборю. Ендовы мало, и жбана мало – дайте бочку – осушу. Потом бороться желаю. Людишки слабы – тащите медведей из зверинца княжьего.

– Уймись, Илюха! – теребит его за рукав Добрыня и го-

стям. – Вы не подумайте чего. Ну, десяток-другой мужиков сломает – так что по пьянке не бывает? А так он добрый – уж поверьте мне.

И ну народ целовать. Сперва он девок, меж столов сновавших, ловил и в уста сахарные челомкал. А потом всех подряд почал.

Народишко-то поначалу нехотя отмахивался:

– Уймись, Добрынюшка. Будет тебе, Никитич.

А потом опасаться начал – уж не поменял ли богатырь пристрастия к бабскому полу на противоположные? А Добрыню будто прорвало – по рядам пошёл. Словит кого – облапит и мокрыми губами к лику льнёт. Срамотно со стороны-то глядеть.

Тут Муромец таки допил поставленную бочку, да как хватит ею о стену палаты – она вдребезги. Бочка, конечно – палаты-то каменные. Щепками пирующих засыпало. Князь в то время посла упившегося в покои провожал, а боярам шибко досталось. Кинулись толстобрюхие в двери, а там Добрыня лапища расшаперил – кого словит, сразу целовать. Это от избытка доброты у него чувства наружу пёрли, а народу-то невдомек.

Алёша Попович за шумком-то девку греческую под стол волок и ну над ней измываться. Краса цареградская горда, на своём стоит, но и Алёшенька не зря богатырём слывёт – титички мраморные с жопкой в глину измял, а потом поднапрягся и овладел-таки девкой. После сих трудов – далеко

не ратных – на ней же и заснул богатырским сном.

Тем временем, грохнувшись спиной на стол Илюха Муромский: оборола таки бочка меда богатыря – не до медведей стало. Упал на стол – сломал его. Стол дубовый – да спина-то богатырская. Захрапел Илюха так, что ставенки жалобно запели: скрип-скрип, скрип-скрип....

– Люблю я вас, люди! – возвестил Добрыня опустевшей палате.

Да уж некому было слушать.

Положил Никитич щёку на длань богатырскую и задудел в ноздри погромче Поповича да потише Муромца.

В гнев ярости пришёл князь Владимир Красно Солнышко, обнаружив разгром гостевой палаты и надругательство над басилевым подарком. Приказал схватить упившихся богатырей, раздеть до срама, побросать в телегу да отвезть за Дикое Поле на берег сурожский, чтоб возврата им в Киев больше не было.

Три дня и три ночи длится богатырский сон. Три дня и три ночи насмерть перепуганные возницы гнали лошадей на окраину земли Киевской и далее. А когда пересекли ковыльные степи, бросили груз под сень дуба и поворотили коней в обратную дорогу.

Холодным языком облизал морской туман нагие тела, и проснулись богатыри. Осмотрелись – подивились: пейзаж вокруг здорово поменялся. Это каким же ветром занесло их в края неведомые не только без доспехов, но даже и без ис-

поднего? Ничего не поймут – вспомнить тужатся. Решили – пропились вдрызг да сбежали на порубежье.

В другое-то время было бы в квас лежать на песочке, вдыхая ароматы прибоя, и бесконечно болтать – чай не мечом махать. Но сейчас.... Они хоть и богатыри, но не в силах переделать открывшийся мир. А тут будто заново родились – ни одежды, ни доспехов. На расстоянии, которое хватал глаз, нет никого, на ком бы можно было проявить свои амбиции богатырские. Грустно стало. Лениво гоняя вокруг дуба неторопливые мысли, богатыри незлобиво переругивались, отравляя воздух смрадом перегара. В основном на Алешу бородатые нападали – принаряженный и в доспехах он выглядел несколько по-иному. Сейчас перед ними сидел бело-брысый одуванчик и вызывал странные чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.